

Глава 100: Могу прокормить

—

II.

— Лаосань! Вы чего это посреди бела дня двери заперли?

В деревянную дверь неистово забарабанили: «па-па-па».

Се Иян перестал мазать лицо, пулей вскочил, запихнул вещи вместе с мешком в шкаф и подал знак Гу Сьюаню:

— Иди открывай.

Гу Сьюань, глядя на эти его мелкие махинации, лишь беспомощно покачал головой и с холодным лицом пошел открывать дверь.

На пороге стояли мать Гу, Гу Лили и младший сын старшего брата — Гу Дахэ. Столкнувшись с суровым и решительным взглядом Гу Сьюаня, они даже оторопели, почувствовав в нем что-то незнакомое.

Гу Сьюань холодно спросил:

— В чем дело?

Гу Лили пришел в себя первым и заулыбался:

— Сань-гэ, ну зачем же запирается сразу по приезде? Мы так давно не виделись, все по тебе очень скучали.

Гу Сьюань слегка приподнял веки и безразлично ответил:

— Именно потому, что мы долго не виделись, я и заперся со своим мужем, чтобы заняться тем, чем положено.

— А... — Гу Лили на мгновение лишился дара речи.

Находившийся в комнате Се Иян всё отчетливо слышал, и его щеки мгновенно вспыхнули: «...»

«Этот дурень Гу Лаосань, что за чепуху он там несет?»

Мать Гу тем временем вlepила Гу Сьюаню звонкую затрещину по руке и ледяным тоном произнесла:

— Лаосань, что ты за гадости говоришь при младшем брате?

Ударила она от души, не жалея сил — от звука удара у всех присутствующих сердце екнуло. Гу Сьюань лишь слегка нахмурился.

Се Иян поначалу был смущен и раздосадован болтовней мужа, но, вспомнив, сколько всего тот ему привез, а теперь получает тумачи от матери, почувствовал укол обиды. Он тут же вскинул голову и сердито выкрикнул из комнаты:

— Я скажу так: младшему брату уже восемнадцать, он взрослый гер, которому пора замуж. Неужели он до сих пор не знает, что прилично спрашивать, а что нет? Прибежал тут выпытывать, что происходит в спальне старшего брата... Наш Лаосань ответил одну фразу, и он же остался виноват? Мама, вы слишком уж балуете младшего!

Гу Сьюань мельком глянул на своего «маленького муженька» — а тот умеет защищать своих. Надо будет в следующий раз купить ему еще что-нибудь хорошее.

Мать Гу разозлилась еще сильнее и, свирепо глядя на Се Ияна, выдала:

— А тебя кто спрашивал? Я до тебя еще не добралась! Лаосань раньше был таким честным и покладистым парнем, а теперь несет что попало — не иначе как ты его с толку сбил!

Ха-ха...

— Я сбил? — Се Иян от ярости даже рассмеялся и вышел вперед. — Я бы и рад, да разве смогу? Где это видано, чтобы жениха на второй день после свадьбы вышвыривали из дома на тяжелые работы, и он полгода носа не показывал? Наконец-то человек вернулся домой, решил перекинуться парой слов с мужем — так нет, мать, брат и племянник по очереди дежурят у дверей и устраивают допросы! Я, Се Иян, человек темный, но обязательно пойду в деревню и поспрашиваю — есть ли еще где такие семьи и так ли дела делаются?

Мать Гу чуть не закатила глаза от злости, но не нашлась, что ответить, и лишь принялась сыпать бессвязными ругательствами:

— И за что нашему Лаосаню такой достался... Работать не умеешь, жрать — первый, еще и огрызаешься! Каждый день в доме из-за тебя покоя нет!

С этими словами она попыталась схватить Гу Сьюаня за руку, чтобы пожаловаться:

— Лаосань, ты вернулся вовремя, эта твоя жена...

Гу Сьюань незаметно уклонился от её руки и прямым, бесстрастным взглядом посмотрел на мать:

— Мама, неужели вам действительно нужно затевать ссору с моим мужем в первый же день моего возвращения?

Мать Гу замерла на мгновение и нахмурилась:

— Лаосань, ты... что ты хочешь этим сказать?

Гу Сьюань спокойно произнес:

— Я уехал на второй день после свадьбы, бросив его одного. Я перед ним в долгу. Мама, не нужно вечно придирается к нему по мелочам.

— Я придираюсь? По мелочам? Я... — Мать Гу никак не ожидала, что всегда послушный третий сын пойдет против неё ради этой «маленькой лисицы» Се Ияна.

Гу Лили тоже неодобрительно нахмурился и упрекнул брата:

— Сань-гэ, как ты можешь так разговаривать с матерью? Ты что, голову потерял?

Глаза Гу Сьюаня опасно сузились, а голос стал ледяным:

— Гу Лили, это ты, похоже, голову потерял. Я твой старший брат, как ты смеешь так со мной разговаривать? Видать, всё твоё образование псу под хвост пошло.

— ... — Гу Лили вытаращил глаза. Его третий брат точно сошел с ума.

— Ха-ха! — Се Иян за его спиной не выдержал и торжествующе прыснул. «Гу Лаосань оказался куда интереснее, чем я думал».

— Хорошо же! Сговорились, значит? Бунт решили поднять? Мало того что мне дерзите, так еще и младшего брата обижаете... — Мать Гу задвинула Гу Лили себе за спину, яростно глядя на супругов, словно желая содрать с них кожу.

Шум был такой, что даже сидевшие во дворе слышали и спросили, что происходит. Мать Гу отозвалась, собираясь позвать старшего сына и мужа, чтобы те приструнили бунтовщиков.

Но тут...

«Фьють! Фьють! Фьють!»

Протяжные звуки свистка разнеслись по сельской дороге, приближаясь к дому.

Услышав их, Се Иян недовольно поморщился — как же быстро летит время. Мать Гу еще раз злобно зыркнула на сына и поспешно ушла. Свисток означал ежедневный сбор у старосты бригады: кто опоздает в поле — тому вычтут рабочие баллы.

Буквально в одно мгновение двор семьи Гу опустел — остались только Гу Лили и трое детей старшего брата. Гу Сьюань вместе с Се Ияном тоже отправились в поле.

Деревня Юньси находилась на юге, и в конце марта как раз наступало время подготовки рассады риса. Люди из бригады «Вперед» собирались под большим деревом у дороги, ведущей к заливным полям.

Староста Чжоу Цзяньдан прибыл заранее. Со свистком в руках он стоял рядом со счетоводом, который отмечал прибывших в списке. В бригаде «Вперед» числилось 23 двора — это более 140 человек, но на работы вышло 107. Остальные были либо совсем маленькими детьми, либо глубокими стариками, либо «особенными», как Гу Лили (впрочем, таких бездельников в деревне были единицы).

Когда Чжоу Цзяньдан дошел в списке до Гу Сьюаня, он спросил довольно доброжелательно:

— О, Сьюань! Сегодня вернулся?

Гу Сьюань кивнул:

— В полдень прибыл домой.

Чжоу Цзяньдан улыбнулся:

— Хорошо. Тогда пойдешь с Цзяньго и остальными носить воду. Ты парень справный, сил много, за вторую половину дня запишем тебе шесть рабочих баллов.

Гу Сьюань:

— Спасибо, староста.

Чжоу Цзяньдан махнул рукой:

— Да чего там.

Закончив переключку и убедившись, что все на месте, староста повел эту внушительную толпу к рисовым полям. Мужчины отвечали за переноску воды и выемку ила, а геры и женщины — за посев и прополку.

Тело Гу Сьюаня от природы обладало недюжинной силой: две полные бадьи воды он нес с легкостью, и пока другие едва успевали сделать один заход, он уже завершал второй.

По случайности участок, который он поливал, находился как раз рядом с местом, где трудился Се Иян. Мужики, таскавшие воду вместе с ним, принялись подтрунивать:

— Мы-то хоть и делаем лишь половину от того, что успевает Сьюань, зато и женушка его справляется едва ли с половиной того, что делают наши бабы, ха-ха...

— Ну так всё честно, пара — сапог под стать, не зря же они одна семья!

Гу Сьюань смотрел, как тонкая фигура Се Ияна то и дело сгибается, пока он разбрасывает семена риса и выдергивает сорняки, которые не взял плуг, отбрасывая их на межу. На бескрайнем поле Се Иян заметно отставал от всех остальных — другие работники уже ушли далеко вперед.

«Ну и неумеха», — подумал Сьюань.

К середине дня участок, закрепленный за Гу Сьюанем, был полностью полит. Он поставил ведра и подошел к Се Ияну. Тот, почувствовав рядом тень, поднял голову и любопытствовал:

— Ты чего здесь?

— Закончил, — коротко ответил Гу Сьюань.

— Так быстро? — Се Иян от удивления широко раскрыл глаза.

— Иди посиди немного, я доделаю за тебя остальное, — спокойным тоном произнес Сьюань.

Се Иян внутренне возликовал, но тут же засомневался, хлопая ресницами:

— Но таскать воду так утомительно, ты...

— Не устал, всё в порядке, — Гу Сьюань качнул головой и, не дожидаясь ответа, наклонился и принялся за работу.

Се Иян присел на край поля и стал пристально наблюдать за ним. Стоял конец марта; хоть лето еще не наступило, с каждым днем становилось всё теплее, и большинство работающих были в одних легких рубашках. Гу Сьюань был полон жизненных сил, его одежда слегка взмокла от пота и плотно облегла тело. Когда он наклонялся, на его спине, плечах и руках перекачивались четко очерченные мускулы.

Се Иян невольно сглотнул слюну, про себя рассуждая: «Этот Гу Лаосань хоть и бросил меня на второй день после свадьбы, но теперь и подарки привез, и работать помогает... о(□□□)о Да и

сложен он так хорошо. Ладно, хи-хи, с сегодняшнего дня я на него больше не злюсь».

В этот момент Се Иян заметил, что другие замужние женщины и геры на поле тоже украдкой поглядывают на его мужа. Их взгляды то и дело скользили по Сьюаню, после чего они переглядывались между собой и хихикали, слегка краснея.

«...» — Се Иян насупился.

«Бесстыдники, никакого приличия».

Внезапно он почувствовал прилив сил. Даже эта ненавистная крестьянская работа перестала казаться такой уж плохой. Раздув щеки, он вскочил, догнал Гу Сьюаня и сердито буркнул:

— Давай я буду семена раскидывать, а ты сорняки рви!

При этом он не забыл одарить яростным взглядом тех женщин и геров, что смотрели в их сторону. «Хм, они что, не знают, что Гу Сьюань уже женат?»

В то время хоть и сохранялись старые предрассудки о главенстве мужчин, многие уже жили с мыслью, что «женщины и геры держат половину неба». Многие трудились наравне с мужчинами и обладали довольно бойким нравом. Поэтому на гневные взгляды Се Ияна они не только не смутились, но и весело расхохотались.

Се Ияну нечего было им возразить, поэтому он перевел свой ледяной взор на виновника торжества — Гу Сьюаня.

«...» — Сьюань был в замешательстве.

«И чего это цель миссии вдруг ни с того ни с сего рассердилась? Поди пойми, что у него на уме».

Хотя в полевых делах Се Иян был не особо силен, разбрасывать семена оказалось делом нехитрым и быстрым, так что к концу дня они с Сьюанем работали почти с одинаковой скоростью.

Когда начало темнеть, староста на краю поля снова несколько раз свистнул. Все радостно выпрямились, потирая поясицы и разминая плечи — день подошел к концу. Гу Сьюань подхватил ведра и понес их сдавать на склад производственной бригады — это было общественное имущество, которое ежедневно регистрировали.

Се Иян собирался идти домой, но, вспомнив те взгляды, которыми одаривали Гу Сьюаня другие, решил увязаться за ним. Мужчины в бригаде тут же начали подкалывать:

— Ну и везет тебе, Сьюань, какая прилипчивая у тебя жена!

— И красавец, и ни на шаг не отходит — вот оно, счастье!

Гу Сьюань мельком глянул на Се Ияна и подумал: «Я здесь только ради выполнения системного задания, поэтому и присматриваю за ним как за целью миссии и номинальным супругом. А вот этот маленький человечек, кажется, и впрямь на меня запал».

Се Иян был не из робких. Заметив взгляд мужа, он самодовольно вскинул брови. Весь его вид говорил: «Видишь теперь, какой ты счастливый? Раз у тебя такой красивый и преданный муж, цени его и балуй в будущем!»

Глядя на его сияющее лицо, Гу Сьюань невольно смягчился.

«Какой дурак».

Когда они вернулись в дом семьи Гу, из кухонной трубы уже всюду валил дым. Все домочадцы сидели во дворе за большим деревянным столом, а Гу Лили грыз жареный арахис. На улице было еще светло, так что можно было сэкономить на электричестве.

Как раз в этот момент мать Гу и невестка Го Юй вышли из кухни с тарелками. Увидев, что супруги вошли вместе, мать Гу так разозлилась, что глаза полезли на лоб, а нос скривился. Она с грохотом поставила миску на стол:

— Подумать только! Чтобы сдать два ведра в штаб бригады, им нужно вдвоем тащиться! Словно восемьсот лет не виделись! А дома дел невпроворот, никто за вас не сделает!

Гу Сьюань усадил Се Ияна за стол, а затем спокойно посмотрел на мать и безразличным тоном произнес:

— Говорят, для молодоженов один день в разлуке — что три осени. Мы с Ян-яном не виделись полгода. Если пересчитать по этой формуле, то нас не было рядом друг с другом больше пятисот лет. (183 дня × 3 = 549 лет).

— ... — Мать Гу застыла. «Что за чертовщину он городит?»

— Ха-ха-ха! — А Се Иян, привалившись к спине Гу Сьюаня, так и покатился со смеху.

Его невозмутимый муж на вид казался неразговорчивым, но стоило ему открыть рот, как он выдавал нечто, от чего можно было одновременно и лопнуть от злости, и умереть со смеху.

Отец Гу бросил взгляд на мать Гу, затем на третьего сына, чей характер явно стал куда более упрямым, чем раньше, и постучал по столу:

— Ладно, сначала поедим!

Все поспешно схватились за свои миски и палочки.

В это время, если хочешь наесться, приходится буквально сражаться за еду.

Се Иян был самым активным: он изо всех сил старался выловить хоть немного гущи из кастрюли с зерновой кашей, которая была настолько жидкой, что на дне виднелось отражение. Он не только добыл порцию себе, но и зачерпнул целую миску гущи для Гу Сьюаня.

Гу Сьюань принял миску, покосился на своего маленького мужа и подумал про себя: «Объект миссии действительно в меня влюбился, раз так обо мне заботится».

Мать Гу, завидев в их мисках редкие крупинки гущи, мгновенно снова вспыхнула от ярости и принялась ворчать и ругаться:

— Точно голодные призраки переродились! Вычерпали всю гущу дочиста, а остальным что, воду пить? И как только в семье Гу завелись такие неблагодарные твари? Жрать готовы в сто раз активнее, чем работать...

Се Иян, конечно, понимал, что это камни в его и Гу Лаосаня огород. Он равнодушно взглянул на свекровь.

Затем он внезапно хлопнул палочками по столу и, прибегнув к своему старому трюку, холодно прикрикнул на сидящего напротив Гу Лили:

— Лили, ты что, не слышал, что мать сказала? У тебя в миске одна гуща. Ты хочешь, чтобы мы, те, кто весь день в поле вкалывает и зарабатывает рабочие баллы, одну воду хлебали? Ты что, неблагодарной тварью переродился?

В любой ситуации, когда мать Гу ругала его, он тут же перенаправлял эти ругательства на Гу Лили.

Гу Лили, который мирно уплетал еду, от неожиданности вздрогнул.

Он посмотрел на бесстрастного Гу Сьюаня, сидящего рядом с Се Ияном, и, вспомнив дневной инцидент, решил намеренно проверить почву и пожаловаться:

— Сань-гэ, посмотри на жену. Когда тебя нет дома, он именно так меня и тиранит!

Гу Сьюань мельком взглянул на него и спокойно произнес:

— Твоя невестка говорит совершенно верно. Те, кто не работает, должны есть меньше. Мать ведь только что именно это имела в виду, не так ли?

Лицо Гу Лили изменилось. С третьим братом определенно что-то было не так. Днем он списал его грубость на то, что брату помешали наслаждаться обществом жены и он просто сорвался — мужчины часто так себя ведут. Но сейчас казалось, будто перед ним совершенно другой человек.

Мать Гу больше всех души не чаяла в Гу Лили, и, увидев его расстройство, тут же накинулась на Гу Сьюаня:

— Что за чушь ты несешь? Разве твой младший брат такой же, как вы? Он с самого детства отмечен удачей, такой беленький и нежный уродился. Разве он может, как мы, в поле вкалывать?

Се Иян холодно усмехнулся:

— Какая еще там удача? Если бы он и впрямь был таким удачливым, семья Гу уже давно бы вознеслась к небесам. А «беленький и нежный» он только потому, что невестка подносит ему воду для мытья ног, восьмилетняя племянница стирает его одежду, а пятилетний племянник отдает ему свои фрукты, лишая себя лакомства. Ха-ха, он-то, может, и в удаче купается, зато все остальные страдают.

При этих словах лицо старшей невестки, Го Юй, невольно дернулось.

Когда она только вошла в эту семью, ей тоже казалось это неправильным, но раз уж все домашние вели себя так, что она могла поделать?

Мать Гу была в крайнем бешенстве:

— Что ты мелешь?! Это потому, что невестка и племянники любят Лили! К тому же, Лили еще не обзавелся своей семьей, его кормим мы с отцом. И что с того, если мы можем себе это позволить?

Се Иян легко рассмеялся и, склонив голову набок, притворно протянул:

— О-о, ну если так, то я ведь тоже совсем один. Меня кормит наш Лаосань. Наш Лаосань работает за двоих. Так что я в будущем тоже буду брать пример с Гу Лили: перестану ходить в поле, буду дома холить свою белую кожу. Все равно наш Лаосань прокормит, и есть я буду самое лучшее, и одеваться в самое красивое.

Сказав это, он потянул Гу Сьюаня за руку, требуя поддержки.

Гу Сьюань спокойно кивнул и негромко произнес:

— Хорошо. В будущем учись у Лили, не ходи в поле. Оставайся дома и становись еще белее и нежнее, мне такие нравятся. А рабочие баллы и деньги я заработаю.

— ... — Се Иян покраснел.

Как это так — они вроде только что ругались, а разговор вдруг свернул в такое русло?

Гу Лили чуть не лопнул от злости.

Эти двое... Совсем стыд потеряли.

— Какой еще «прокормлю»?! — Мать Гу хлопнула по столу и закричала: — Решили в одной семье на особое положение претендовать?

Гу Сьюань посмотрел на мать, его выражение лица оставалось неизменным:

— Это ты первая создала особое положение для Гу Лили. Беда не в том, что мало, а в том, что распределено несправедливо.

— ... — Мать Гу не собиралась больше спорить с этой парочкой по этому поводу.

Вспомнив о деньгах, она перешла к важному делу. Постаравшись унять гнев, она спросила Гу Сьюаня:

— Совсем забыла спросить: где твоя зарплата за последний месяц? И что было в том мешке, который ты притащил? Твой младший брат просил тебя привезти ему косметический крем, ты ведь не забыл?

Гу Сьюань уезжал на окраину уезда на рытье каналов, где платили 15 юаней в месяц. Раньше он каждый месяц в конце срока передавал деньги через знакомых матери. Но за этот последний месяц он возвращался сам, так что передавать деньги нужды не было.

Естественно, они остались при нем.

Гу Сьюань прищурился: «К счастью, не отдал, а то остался бы совсем на мели».

Се Иян тут же перестал смущаться и незаметно надул губы.

Знай он раньше, что у Гу Сьюаня есть при себе деньги, он бы их уже давно выманил. А теперь, чего доброго, мать Гу их заберет.

Гу Сьюань холодно посмотрел на мать:

— Зарплате я найду применение.

— Пятнадцать юаней! На что тебе такая прорва денег понадобилась? — Лицо матери Гу стало ледяным, она прямо протянула руку: — Быстро отдавай мне.

Гу Сьюань сделал вид, что не заметил руки, и продолжил:

— Пока я работал на каналах, познакомился с одним мастером-водителем. Он учит меня водить и чинить машины. Деньги мне нужны, чтобы купить ему подарки и отблагодарить за науку.

Мать Гу вытаращила глаза:

— Зачем покупать такие дорогие подарки? Какое еще вождение и ремонт? Разве ты сможешь такому выучиться? Уж не увидел ли тот человек, какой ты простофиля, и не решил ли тебя облапошить?

— Это мои заработанные деньги. Могу себе позволить тратить их как хочу, — отрезал Гу Сьюань.

— ... — Мать Гу.

В ее сына что, и впрямь злой дух вселился?

Гу Лили поспешно вклинился:

— Сань-гэ, ты же обещал мне перед уходом, что заработаешь денег и купишь мне крем! Купил?

Гу Сьюань, разумеется, не удостоил его ответом и сосредоточенно принялся за еду. Только что переругались в пух и прах, а он еще смеет спрашивать.

Но Се Иян не промолчал. Он сердито уставился на Гу Лили:

— Какой еще крем? Откуда у твоего третьего брата деньги на такое? Разве зарплата не отдается матери? Твоему брату приходится выслушивать ругань из-за того, что он хочет потратить немного денег на подарок учителю, откуда у него возьмутся лишние деньги на всякие кремы?

«Хм, конечно, то, что куплено для меня — это совсем другое дело», — Се Иян в душе торжествовал.

Гу Сьюань, видя, как Се Иян усердно сражается в словесной перепалке, заботливо положил ему в миску палочками немного зелени:

— Ешь.

— ... — Гу Лили.

Мало того что третий брат его больше не балует, так эти двое теперь еще и сговорились против него!

— Ах вот как! Научились тут всяким намекам да экивокам! Чего вы тут расселись, есть они собрались! А ну, проваливайте оба! — Мать Гу дошла до крайней степени ярости.

Гу Сьюань повернул к ней голову и холодным голосом произнес:

— Ну и ладно. Как раз скоро нужно идти в правление бригады отмечать рабочие баллы. Я

просто попрошу старосту, чтобы наши с Ян-яном рабочие баллы и нормы зерна выделили отдельно. С сегодняшнего вечера мы отделяемся от семьи и будем жить сами по себе.

— Мечтать не вредно! Захотел дом делить? — вскричала мать Гу.

Отец Гу, который до этого молча ел, тоже хлопнул по столу:

— Лаосань, что за чушь ты городишь? Мы с матерью еще живы! Ты что, хочешь нас до могилы довести?

Гу Сыюань равнодушно обвел их взглядом и безучастно ответил:

— Это не имеет никакого отношения к тому, живы вы или нет. Государство поддерживает молодых супругов, которые решают вести хозяйство отдельно — это повышает активность в производстве. А все эти «три поколения под одной крышей» или «четыре поколения вместе» — всего лишь пережитки феодального патриархального строя. Вы, кажется, пытаетесь устроить реставрацию старых порядков.

Отец и мать Гу побледнели.

Гу Лаода, видя такое дело, поспешно похлопал Гу Сыюаня по плечу:

— Лаосань, отец с матерью просто не хотят с нами расставаться, не говори ерунды.

Гу Сыюань промолчал.

А Се Иян фыркнул:

— Не хотят расставаться? Что-то я не заметил. Скорее, они не хотят расставаться с бесплатной рабочей силой в лице нашего Лаосаня, который должен помогать им содержать этого их «удачливого» сокровища-братца. Старший брат, невестка, неужели вы сами не хотите отделиться?

Лаода и его жена Го Юй на мгновение замялись.

От этого отец и мать Гу пришли в еще большее неистовство. Что это вообще значит — каждый теперь сам за себя?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281638>